

Неолиберальная трансформация послевоенной модели капиталистического развития как составная часть долговременной исторической конъюнктуры периода структурного кризиса капитализма

Аннотация

Статья продолжает анализ внутренней динамики фазы структурного кризиса капиталистической системы. Данная динамика рассматривается сквозь призму подхода с точки зрения долгосрочной исторической конъюнктуры. Показано, что долгосрочная историческая конъюнктура, породившая современный глобальный кризис, начала складываться на рубеже 1970-х годов. В это время мировая капиталистическая система столкнулась со структурным кризисом послевоенной модели капиталистического развития. В качестве политического и экономического ответа на возникновение структурного кризиса капитализма транснациональные капиталистические элиты избрали неолиберальную трансформацию послевоенного режима накопления. Ее основными элементами являются рост эксплуатации и финансовализация процесса накопления, обобщенные Д.Харви в понятии “изымающее накопление”. Неолиберальная трансформация оказалась неспособна преодолеть структурный кризис капитализма и способствовала обострению его противоречий. В результате капиталистическая система столкнулась с новым проявлением структурного кризиса.

Ключевые слова: *глобальный кризис, капитализм, долгосрочная историческая конъюнктура, глобализация, неолиберализм, К.Маркс*

В предшествующих статьях [Малюк, 2012; 2013а, б] на основе предложенного методологического подхода был осуществлен анализ формирования долговременной исторической конъюнктуры современного структурного кризиса капиталистической системы, выявлен генезис указанного

кризиса и рассмотрен начальный этап его развития. Задачей настоящей статьи является продолжение анализа внутренней динамики фазы структурного кризиса, дальнейшего развития процессов, составляющих долгосрочную историческую конъюнктуру данной фазы.

Исходя из рассмотренных ранее [Малюк, 2013b] поисков новой социально-классовой стратегии удержания господства в условиях разгорающегося кризиса, атлантические капиталистические элиты ответили на снижение мировой нормы прибыли и рост воинственности трудящихся классов сломом социальных ограничений свободы действий капитала; дерегулированием финансовых рынков и развитием финансовых спекуляций; реорганизацией капиталистического производства и более интенсивным развитием системы транснационального производства с использованием информационных технологий; демонтажем “государства всеобщего благосостояния” и настоящей классовой войной, наступлением на жизненный уровень трудящихся в государствах ядра и периферии; усилением агрессивного давления империалистических государств на периферию мировой капиталистической системы (МКС). В общем речь идет о системе политических и экономических мер, направленных на обеспечение максимального извлечения прибыли в условиях кризиса накопления капитала, то есть о том, что сегодня называется неолиберализмом. Эти меры представляли собой попытку трансформации прежней послевоенной модели капиталистического развития (режима накопления капитала) и консолидации нового социально-экономического режима, который бы позволил преодолеть структурный кризис капитализма.

Хотя неолиберальная контрреволюция обычно связывается с приходом к власти в государствах ядра правоконсервативных сил, представленных в тот момент кабинетом М.Тэтчер в Великобритании, администрацией президента Р.Рейгана в США, консервативным правительством Г.Коля в ФРГ, на самом деле меры неолиберальной экономической политики уже применялись в условиях начавшегося структурного кризиса правительствами стран Запада с середины 1970-х. Тэтчер и Рейган только продолжали рестриктивную политику “капитализма жесткой экономии” [Cupher, 1979; Frank, 2004a, b], уже начатую правительствами лейбористов, социал-демократов и либеральных реформистов, отказавшимися от кейнсианства. Кроме того, с экономической точки зрения наиболее значительными вехами становления неолиберального порядка стали слом Бреттон-Вудской системы (отказ от золотовалютного стандарта в 1971-м и переход к системе плавающих курсов в 1973-м), последовавшее за этим дерегулирование международной финансовой системы, а также инициированное главой Федеральной резервной системы США П.Волкером радикальное изменение финансовой политики, получившее название “переворот 1979 года” [Dumenil, 2002]. С этого момента мировая финансовая система основывалась на гибких обменных курсах валют, неконвертируемом долларе, свободном движении частного капитала и способности США финансировать свой растущий долг посредством выпуска долговых инструментов (облигаций казначейства), номинированных в их собственной валюте. По словам У.Энгдаля, правящая элита США пришла к выводу, что “вместо того, чтобы зависеть от роли мирового кредитора, как это было до 1971 года, Американский век теоретически может процветать и как величайший в мире должник до тех пор, пока американские финансы и доллар доминируют в мировых финансах” [Engdahl, 2008a].

Суть новой финансовой политики заключалась в резком увеличении процентных ставок, предпринятом с целью направления потоков капитала в США для подпитывания экономической экспансии и спасения доллара от свободного падения и краха. Как отмечает Дж.Арриги, переход к строгой рестриктивной финансовой политике с целью поддержки “твердых денег”, предпринятый П.Волкером в последние годы правления администрации президента Дж.Картера, положил начало отказу при Р.Рейгане от идеологии и практики “нового курса” (то есть от социального реформизма и политики социального компромисса), которым США следовали с 1930-х годов. Если “новый курс” и его глобализация при Ф.Рузвельте и Г.Трумэне основывались на передаче контроля над финансами из рук финансовой олигархии в руки государства, то отказ Рейгана от “нового курса” вновь возводил частный финансовый капитал на командные высоты глобальной экономики [Arrighi, 1994, 1999a]. По сути, отказ от золотовалютного стандарта в 1971-м, переход к системе плавающих курсов в 1973-м и меры, принятые главой ФРС США в 1979-м, положили начало становлению нового, неолиберального экономического режима, основанного на финансовой экспансии.

Попытки установления нового режима накопления, начавшиеся в 1970-х под влиянием кризиса перенакопления и связанные с крахом Бреттон-Вудской системы и поворотом в финансовой политике США, были продолжены в 1980-х годах. Последовавшее за дефляционными мерами П.Волкера дерегулирование финансовых и других рынков создало в США самые благоприятные условия для финансовых спекуляций. Результатом этой политики, проводившейся в интересах крупного финансового капитала, искавшего способы увеличения прибыли, было вступление мировой экономики в фазу финансовой экспансии, когда главным источником максимальных прибылей становится не производственный, а финансовый сектор экономики [Dumenil, 2004a, b]. Установление режима высоких процентных ставок и расцвет финансовых спекуляций, последовавший за изменением финансовой политики в стране, являющейся центром мировой финансовой системы, усугубили последствия экономического кризиса, ухудшив положение производственного сектора, и привели к возникновению мирового долгового кризиса, особенно тяжело отразившегося на периферии МКС. Обеспечивая приток мировых сбережений в США и, таким образом, рост их экономики, новая финансовая политика ввергала в кризис остальную, в особенности, развивающийся мир. До “переворота 1979 года” при избранной правительством США инфляционной стратегии управления кризисом цена доллара с целью поддержания конкурентоспособности американской промышленности поддерживалась на низком уровне, что также стимулировало развивающиеся страны брать дешевые кредиты в долларах по нулевой или даже отрицательной процентной ставке. Когда ФРС США с помощью монетаристских методов предприняла регулирование предложения доллара с целью перенаправить потоки капитала в США, она сделала его более дорогим. Одновременно это привело к удорожанию обслуживания долгов, взятых развивающимися странами. В результате страны-должники, то есть практически весь третий мир и часть второго, оказались неспособными выплачивать проценты по долгам. Обслуживание внезапно возросшего долга, обескровливая экономику стран-должников, приводило к разрушению “среднего” и обнищанию низших классов. Типичной была ситуация, при которой должники многократно выплачивали

свой долг, но в результате он только возрастал ввиду ухудшения условий торговли развивающихся стран, а также необходимости для его обслуживания заимствовать по более высоким процентным ставкам из других источников на рынках ссудного капитала. И посреди разгоравшегося долгового кризиса периферии МКС на первые роли в управлении этим кризисом были выдвинуты Всемирный банк (ВБ) и Международный валютный фонд (МВФ) с их программами реструктурирования долга, финансовой стабилизации и структурной адаптации на основе Вашингтонского консенсуса. Неолиберальная программа Консенсуса предполагала крупномасштабную приватизацию, дерегулирование и либерализацию экономики, ее открытие иностранным инвестициям и передачу национальных активов в иностранную собственность, отмену контроля над импортом и государственных субсидий национальным предприятиям. В результате в ходе трех десятилетий мирового долгового кризиса совокупный объем внешнего долга развивающихся стран возрос с 75 млрд долл. в 1970 году до 450 млрд — в 1980-м, 1,3 трлн — в 1990-м, 2,5 трлн — в 2005-м, 3,5 трлн — в 2008-м. К концу 2010-го внешний долг развивающихся стран, по данным Всемирного банка, превышал 4 трлн долл. [Внешнеэкономическая стратегия империализма, 1988: с. 124; World Bank, 2012: р. 2].

После того как несколько лет волкеровской политики позволили США укрепить пошатнувшиеся позиции в мировых финансах и поставили периферию капитализма под жесткий финансовый контроль со стороны центров МКС, политика либерализации и дерегулирования глобальных финансовых рынков продолжалась в форме новой финансовой революции секьюритизации, осуществленной вновь назначенным главой ФРС США А.Гринспеном. “Гринспеновская парадигма” возникла в октябре 1987 года, когда произошел крах фондовой биржи в США и для удержания рынков на плаву была проведена спасательная операция, частью которой стало использование сравнительно новых тогда рынков деривативов [Engdahl, 2008b]. Это было начало эпохи спекуляции производными финансовыми инструментами. Важно и то, что поддержка фондовых рынков была невозможна без огромных вливаний ликвидности со стороны ФРС. Та же самая модель применялась и в дальнейшем. Все восемнадцать лет политики Гринспена заключались в обеспечении функционирования системы накопления посредством либерализации финансовых рынков и организации спасения системы после краха очередного спекулятивного пузыря накачиванием ликвидности за счет проводимой ФРС политики дешевого кредита. Все это время мировая финансовая система переходила от одного кризиса к другому более масштабному, и каждый кризис использовался для консолидации господства финансовой олигархии США в мировой экономике. Во всех случаях финансовой нестабильности — крах фондовой биржи в 1987 году, азиатский финансовый кризис 1997-го, дефолт России в 1998-м и связанный с ним крах хеджингового фонда Long Term Capital Management, крах рынка акций высокотехнологичных компаний в 2001-м, кризис высокорискованных ипотечных кредитов в 2007-м — роль ФРС заключалась в предоставлении ликвидности, понижении учетных ставок и облегчении условий кредитования [Engdahl, 2008b].

Ухудшение условий воспроизводства заставило производительный капитал предпринять радикальную реорганизацию производства, сопровождаемую более интенсивной эксплуатацией труда. Именно здесь кроется причина резкого усиления процессов создания новых транснациональных

производственных систем и ряда коренных изменений в производстве, связанных с развитием информационных технологий. Столкнувшись с понижением нормы прибыли, капитал отреагировал стремлением к повышению производительности и интенсивности труда и введением технологий, снижающих издержки производства, в сочетании с методами “оптимизации персонала” (downsizing). Последние на практике сводились к увольнению 10–20% работников предприятий и переключению их работы на оставшихся работников, что повышало интенсивность их труда. Кроме того, отрасли промышленности, испытывавшие значительное снижение прибыльности, прибегли к фрагментации объединенных в рамках крупных предприятий фордистского типа производственных процессов и перенесению их нижних этажей (трудоемких и материалоемких производств) из зоны ядра в периферийные и полупериферийные страны, для того чтобы использовать преимущества более дешевой рабочей силы и близость к источникам сырья. Обратной стороной транснациональной фрагментации производственных процессов является их реинтеграция в глобальных производственных или стоимостных цепочках посредством торговли и внутренних логистических операций ТНК [Kotz, 2008; Wolfson, 2009]. Происходит образование транснациональных корпоративных вертикально-интегрированных цепочек добавленной стоимости. Производственные процессы, осуществлявшиеся ранее на одном предприятии, теперь распределяются между различными предприятиями, которые к тому же размещаются в различных странах. Компоненты различных видов товаров (автомобилей, компьютеров и т.д.) могут производиться и собираться теперь в различных частях земного шара. В результате произошло резкое усиление транснационализации производства и увеличение количества транснациональных корпораций. Возникла новая система транснационального производства, осуществляемого транснациональными корпорациями на основе нового международного разделения труда. Одним из решающих факторов ее становления было развитие информационных технологий, резко снизивших транзакционные и коммуникационные издержки. Другим — осуществление нелиберальной экономической программы, предполагавшей устранение барьеров, препятствующих свободному движению капитала, дерегулирование и либерализацию рынков капитала, приватизацию и трансформацию государства в направлении, благоприятном для деятельности иностранного капитала, защиты иностранных инвестиций и собственности. Надстройкой над новой транснационализированной системой производства стала формирующаяся многоуровневая система глобального экономического управления, включающая международные финансовые институты (Всемирный банк и Международный валютный фонд), Всемирную торговую организацию, “группу семи”, Трехстороннюю комиссию и т.п. [Robinson 2000, 2005, 2009].

Вследствие применения комплекса нелиберальных мер, усиливающих эксплуатацию рабочей силы, включая понижение заработной платы, экспорт капитала в страны периферии с более низкой стоимостью рабочей силы и более низким органическим строением капитала, увеличение “гибкости” рынков труда, эксплуатацию дешевой иностранной рабочей силы, увеличение доли рабочего класса, оплачиваемого ниже стоимости рабочей силы вследствие снижения постоянной занятости, использование труда мигрантов и т.д., начиная с середины 1980-х годов удалось обеспечить частичное восстано-

ние нормы прибыли. При этом расчеты показывают, что если бы норма эксплуатации осталась на прежнем уровне, норма прибыли в 1987–2009 годах продолжила бы снижаться [Carchedi, 2011]. Снижение уровня заработной платы и рост эксплуатации, таким образом, представляют собой контртенденцию, сознательную политику капитала, цель которой — увеличить прибыль путем перекалывания бремени кризиса на плечи трудящихся классов. То, что это именно так, подтверждает свидетельство А.Бадда, главного экономического советника правительства М.Тэтчер: “Правительство Тэтчер никогда ни одной минуты не верило, что монетаризм — это верный путь преодоления инфляции. Однако оно рассматривало его как весьма надежный способ повышения уровня безработицы. А последняя была крайне желательным способом сокращения силы рабочих классов... Собственно говоря, был спроектирован — в марксистских терминах — кризис капитализма, который воссоздал резервную армию труда и позволил капиталистам с этого момента получать высокие прибыли” (цит. по: [Wade, 2011: p. 34]).

Однако все эти меры оказались недостаточными, чтобы преодолеть стагнационные тенденции в мировой экономике. Даже так называемая информационная, или цифровая, революция пока еще не смогла стать эпохальной инновацией, генерирующей новую фазу экономического роста, хотя изменила в значительной степени характер процессов труда и способы функционирования капиталистических предприятий. Инвестиции в основной капитал продолжают осуществляться, и даже происходит переход на новые технологии, однако в целом они остаются на уровне простого, а не расширенного воспроизводства. Корпорации сталкиваются с недостаточным спросом на свою продукцию и, следовательно, — с недостаточными возможностями прибыльных инвестиций. Избыточное производство обнаруживается практически во всех отраслях промышленности. В США производственные мощности компьютерной промышленности возрастали на 40% ежегодно, превышая прогнозируемый спрос. Мировая автомобильная промышленность продавала только 74% из производимых ежегодно 70,1 млн автомобилей, что привело к резкому падению прибылей наиболее слабых корпораций, таких как “General Motors”, понесшая в 2005 году убытки в 10,6 млрд долларов. В сталелитейной промышленности избыточные мощности составляют 20%, что равняется приблизительно 200 млн тонн стали [Bello, 2006: p. 1355]. Журнал “Экономист” отмечал в 1999-м, что в конце XX века разрыв между накопленными производственными мощностями и объемом продаж был наибольшим со времен Великой депрессии. Следствием сохраняющегося перенакопления является падение прибылей. Норма прибыли 500 крупнейших транснациональных корпораций США упала с уровня +4,70 в 1954–1959 годах и +2,04 в 1960–1969 до –5,30 в 1980–1989, –2,64 в 1990–1999 и –1,92 в 2000–2002 годах [Bello, 2006: p. 1348]. Устойчивость перенакопления и перепроизводства, неспособность правящих классов преодолеть ухудшение условий капиталистического воспроизводства и восстановить прибыльность производства является причиной стремления капитала все сильнее вовлекаться в финансовые операции, все менее и менее связанные с процессом производства, с целью преодоления понижения нормы прибыли. Абстрактная возможность подобного решения проблемы перенакопления заключается в двойственности процесса накопления капитала, включая как собственность на реальный капитал, так и владение ценными

бумагами как притязаниями на реальный капитал. Столкнувшись с уменьшающимися возможностями прибыльных инвестиций в сфере производства, корпорации стали сильнее вовлекаться в спекулятивные операции с ценами на бумажные активы, то есть фиктивный капитал, представляющий собой притязания на доход и собственность, а в конечном итоге на прибавочную стоимость, извлекаемую из процесса производства. Они стали зависеть от экспансии финансового сектора в деле сохранения и увеличения прибылей. С 1980-х годов так называемая финансиализация экономики, то есть перенос центра тяжести процесса накопления из производства в сферу финансовой активности, становится двигателем экономического развития. С этого момента финансовый капитал, ускользая от контроля со стороны социального государства, освобождался также и от связи с реальной производительной экономикой. Вместо осуществления инвестиций в реальное производство капитал перемещался в мировом экономическом пространстве в поисках наиболее выгодных спекулятивных возможностей. Таким образом, финансиализация экономики — рост количества финансовых активов по отношению к реальным активам — являлась следствием кризиса прибыльности и сужения возможностей реальных инвестиций. Поскольку возрастающая масса денег не находила прибыльных капиталовложений в реальной экономике, эти фонды инвестировались не в производство товаров и услуг, а в финансовые активы, цены на которые вздувались спекулятивным спросом.

Социально-экономические последствия и значение неолиберальной трансформации капитализма

Переход к финансово-спекулятивному экономическому режиму привел к значительным структурным изменениям в мировом капитализме и породил ряд существенных диспропорций в мировой экономике. Одним из следствий установления этого режима стал гипертрофированный рост финансового сектора по сравнению с так называемой реальной экономикой. Как отмечает американский марксист-экономист П.Суизи, если в 1970-х годах сохранялась старая структура экономики, включавшая производственную систему, обслуживаемую финансовым придатком, то к концу 1980-х она уступила место новой структуре, в которой значительно разросшийся финансовый сектор достиг высокой степени независимости и “восседает над лежащей в его основе производственной системой” [Sweezy, 1995: p. 8].

Показателем этого процесса может служить рост прибылей, извлекаемых посредством финансовых операций: если в начале 1980-х в США на финансовый сектор приходилось 8% суммарной корпоративной добавленной стоимости и 5% прибылей корпораций (после вычета налогов), то к 2007 году доля финансовых корпораций в корпоративной добавленной стоимости удвоилась, составив 16%, а доля в корпоративной прибыли возросла в восемь раз и достигла 41% [Wade, 2008: p. 33].

Это было прямым результатом того, что накопление капитала оказалось связанным не столько с производительным сектором или предоставлением ему финансовых услуг, сколько с куплей-продажей активов, для чего в огромных количествах привлекался ссудный капитал. Постоянный приток дешевого кредита стал основным источником роста стоимости активов и объемов финансовых операций. Как отмечает Р.Уэйд, новая банковская

система, возникшая в 1980-х годах, отличалась от прежней тем, что выдача займов предприятиям перестала быть ее главной задачей, а чистая прибыль (разница между процентами, выплаченными вкладчикам, и процентами, полученными от заемщиков) перестала служить основным источником доходов; им стала торговля финансовыми активами. Банки все в большей степени ориентировались на предоставление кредитов для таких операций в финансовом секторе, как арбитражные сделки, представляющие собой получение прибылей за счет разницы цен между различными сегментами рынка [Wade, 2008: р. 32]. Экономическая роль государства также была преобразована в соответствии с требованиями финансовой экспансии — его задачей стало обеспечение ликвидности и предотвращение обвала рынков путем предоставления массивных и более дешевых кредитов, чем занимались Федеральная резервная система США и центральные банки других стран. Таким образом, возводилась гигантская финансовая пирамида, связанная с созданием серии мыльных пузырей бумажных активов, каждый из которых был больше предыдущего (торговля акциями, “новая экономика”, спекуляции с недвижимостью). А вместе с экспансией кредитного рынка росли и долги. В результате совокупный долг США вырос с отметки 160% ВВП в конце 1970-х до 350% ВВП в 2007 году [Magdoff, 2006: р. 7, 9]. В апреле 2008-го совокупный долг США составлял около 53 трлн долл., что приблизительно равнялось мировому ВВП [Beinstein, 2009a]. В то же самое время долги домохозяйств возросли с 50% ВВП в 1980 году до 67% ВВП в 1997-м и 100% ВВП к 2007 году [Magdoff, 2006: р. 8]. И, конечно, наиболее быстрыми темпами росли долги финансового сектора (с 22% ВВП в 1981-м до 117% ВВП в 2008-м [Brooks, 2009]), поскольку долговой механизм использовался, прежде всего, для финансирования операций на самом финансовом рынке, а не для увеличения производительного капитала. Эти данные свидетельствуют о той решающей роли, которую финансовый капитал и долговая экономика стали играть в процессе накопления капитала в последние тридцать лет. И, безусловно, следует напомнить, что дешевый кредит и рост долгов был основой потребительского бума в США в последние десятилетия. Как неоднократно отмечал Маркс, кредитная система — это то средство, с помощью которого капитал стремится преодолеть пределы, достигнутые его развитием. Она способствует ускорению развития материальных производительных сил и созданию мирового рынка, но вместе с тем интенсифицирует противоречия системы, делая их взрыв в форме кризисов более разрушительным.

Этот кризис-трансформация режима накопления охватил всю капиталистическую систему и породил целый ряд новых финансовых институтов и огромную массу новых финансовых инструментов. Данные, характеризующие колоссальное превышение стоимости торговли иностранной валютой над стоимостью мировой торговли товарами и услугами, гигантское накопление финансовых ресурсов в руках финансовых институтов типа хеджинговых, пенсионных и взаимных фондов, страховых компаний, инвестиционных банков, компаний финансового менеджмента, взрывной рост фондовых рынков, — все это весьма ярко характеризует масштабы и роль стратегии увеличения капитала посредством чисто кредитно-денежных манипуляций и сделок. По данным профессора Лондонской школы экономики Роберта Уэйда, страховые компании развитых стран обладали в 2006 году финансовыми активами, составляющими около 14 трлн долл., а активы пенси-

онных фондов оценивались в 13 трлн долл. Для сравнения, сумма кредитов, выданных Всемирным банком за все время его существования, не достигает 1 трлн долл. [Wade, 2006: p. 117].

Размеры спекуляций всеми видами финансовых инструментов — акциями, фьючерсами, деривативами, валютой — потрясают воображение. Фондовые биржи и торговля валютой превратились в гигантские казино, в которых рост количества и стоимости сделок оставляет далеко позади транзакции, связанные с реальной экономикой. Например, в 1975-м на нью-йоркской бирже ежедневно продавалось 19 млн акций. К 1985 году их количество выросло до 109 млн, а в 2006-м уже составляло 1600 млн акций стоимостью 60 млрд долл. Ежедневная торговля на мировых валютных рынках, осуществляемая с целью получить прибыль из колебаний стоимости национальных валют, достигла за время неолиберальной глобализации фантастических масштабов. В 1977 году она составляла 18 млрд долл. ежедневно, а в 2006-м — 1,8 трлн долл. в день. Это означает, что каждые 24 дня объем торговли валютой в долларах достигал уровня всего мирового ВВП за год. В то же самое время годовая стоимость мирового экспорта товаров и услуг составила 6,6 трлн долл., или 25 млрд долл. в день [Magdoff, 2006: p. 17]. В 2010-м ежедневный оборот на мировых валютных рынках, по данным Банка международных расчетов, составлял около 4 трлн долл. [Bank for International Settlements, 2010: p. 6].

Масса деривативов (производных финансовых инструментов) к 2006 году составила 283 трлн долл., превышая шесть совокупных мировых ВВП [Magdoff, 2006: p. 19]. При этом деривативы составляли лишь часть спекулятивной горы, равной двенадцати совокупным мировым ВВП. Их рост лавинообразно продолжался в последующие годы, превысив к 2008-му 600 трлн дол. (это сумма, уже в 10 раз превышающая мировое производство). Если к этому добавить остальные виды финансовой спекулятивной деятельности (торговля акциями, фьючерсами, валютой и т.д.), объем глобальной спекулятивной массы составит фантастическую сумму, превышающую 1 квадриллион долларов — почти двадцать мировых ВВП [Beinstein, 2009b]. К середине 2008 года, когда, согласно данным Банка международных расчетов, объем деривативов достиг 684 трлн долл. [Bank for International Settlements, 2008], по некоторым оценкам, гипертрофия финансового рынка достигла точки насыщения. В этих условиях достаточно было начаться обрушению спекулятивного рынка недвижимости США, чтобы обрушить всю систему в целом.

Установление режима финансово-спекулятивного накопления привело к тому, что мировая капиталистическая экономика стала напоминать пирамиду, перевернутую основанием вверх. В ней масса фиктивного капитала, представляющего собой претензию на доход, источником которого в конечном итоге является прибавочная стоимость, многократно превосходит возможности производительного капитала извлечь эту прибавочную стоимость из эксплуатации живого труда. Никогда ранее в истории капитализма не накапливалась такая спекулятивная масса, будь то в абсолютных величинах или в отношении к мировому ВВП. В результате капитализм окончательно приобрел паразитический характер. И это является существенным качественным отличием неолиберального экономического режима от предшествовавших ему. Именно указанное несоответствие между огромной массой накопленного фиктивного капитала и реально производимой прибавочной стоимостью, необходимой для удовлетворения его претензий, яв-

ляется в настоящее время фундаментальной проблемой мировой экономики. Ее разрешение потребует разрушительной перестройки структуры мирового капитализма и демонтажа структур накопления и власти, на которых основывался неолиберальный финансово-олигархический капитализм.

В конце концов социальный смысл происшедшей под воздействием структурного кризиса капитализма трансформации заключался в том, что главенствующая фракция правящего класса, финансовая элита, ужесточила контроль над капиталистической системой, навязывая ей свои правила и нормы. С этого момента неолиберальный проект полностью раскрыл свою социальную суть, представ как реванш привилегированного меньшинства мировой капиталистической системы, восстание транснациональной финансовой элиты против ограничений, наложенных на нее социальными структурами кейнсианского “государства всеобщего благосостояния”. Он представляет собой попытку разорвать сложившийся в странах ядра социально-политический компромисс, за который правящим и господствующим группам пришлось заплатить частичной демократизацией системы, проведением реформистского курса и подачкой в виде так называемого социального государства. Именно в сломе всех ограничений, перераспределении и концентрации власти и богатства в руках финансовой элиты заключается действительный смысл неолиберализма как откровенно классового проекта. Выражаясь предельно просто, неолиберализм — это стратегия усиления господства наиболее привилегированных слоев правящих классов капиталистического общества. Ее частью является неолиберальная глобализация, означающая для капитала возможность превратить все мировое социально-экономическое пространство в объект неограниченной эксплуатации. Освобождающийся от ограничений структур социально-классового компромисса капитал получил возможность сосредоточиться на перераспределении общественного богатства в свою пользу, выжимании максимальной прибавочной стоимости из эксплуатации живого труда по всему миру и усилении контроля над мировыми ресурсами посредством использования финансовых механизмов.

Однако неолиберальная трансформация послевоенного режима накопления капитала не могла развернуться в полную силу, пока существовали Советский Союз и мировая система реального социализма. Их существование являлось препятствием для поиска источников поддержания самовозрастания стоимости на путях неолиберализма, предполагавшего глобальную социальную конфронтацию верхушки правящих классов с рабочим и “средними” классами. Поэтому развертывание неолиберальной программы сопровождалось также конфронтацией с миром реального социализма. С другой стороны, интенсификация реализации неолиберального проекта нарастала по мере интеграции СССР и других социалистических стран в мировое капиталистическое хозяйство (МКХ) и вызревания в них неолиберального исторического блока, тесно связанного с интересами транснациональных деловых и политических кругов Запада. Возникновение неолиберального исторического блока внутри советского общества стало результатом возобладавшей со второй половины 1950-х реакционной тенденции демонтажа плановой системы управления народным хозяйством, децентрализации экономики и внедрения принципов рентабельности (максимизации прибыли) в качестве основного критерия работы предприятий (система хозрасче-

та). На процесс расширения сферы действия рыночной частнокапиталистической стихии в советском обществе оказывало существенное воздействие расширение внешнеэкономических связей с мировым капиталистическим рынком и рост зависимости от МКХ. В результате внутри страны происходило укрепление социальной базы частнокапиталистических отношений и реинкорпорации в МКХ. Развернулась, по словам российского экономиста С.Губанова, теневая “реставрация “обычного капитализма” — юридически еще нелегального, но практически уже реального” [Губанов, s.a]. В состав неолиберального блока социальных сил, выступавших за демонтаж советской системы, полноправное утверждение главенства частнокапиталистических отношений и интеграции советской экономики в МКХ (возвращение “в лоно цивилизации”, на “магистральный путь развития человечества”), входили, прежде всего, группы партийно-хозяйственной номенклатуры, обогащавшиеся в результате осуществления внешнеэкономических операций и проведения хозрасчетных рыночных реформ 1950–1960-х годов [Губанов, s.a., 2011; Фурсов, 2008a, b, 2009, 2010]. Расширение сферы действия закона стоимости и товарно-денежных отношений естественным образом привело к развитию так называемой теневой экономики, ставшей питательной средой для частного накопления и возникновения слоя советской буржуазии, с которой тесно срасталась часть хозяйственной номенклатуры. Наконец третьим элементом неолиберального исторического блока стала либеральная интеллигенция. Этот слой либеральных “органических интеллектуалов” (А.Грамши) сформировал соответствующий идеологический дискурс, в котором значительную роль играли мифология “ужасов сталинизма”, “неэффективности социалистической системы хозяйствования” и идеализация капиталистического свободного рынка. Стоит, однако, напомнить, что эта пресловутая неэффективность, включая дефицит отдельных групп товаров широкого потребления, являлась результатом нарушающего воздействия принципа рентабельности (максимизации прибыли) предприятий, расширения действия товарно-денежных отношений, децентрализации экономики и сужения сферы планового хозяйства [Губанов, s.a, 2011]. Вследствие более тесного переплетения интересов антисоветского прокапиталистического блока с формирующимся в МКС транснациональным неолиберальным историческим блоком первый становился элементом и проводником идей и стратегий второго (о транснациональном неолиберальном историческом блоке см.: [Малюк, 2011]). Именно этим и объясняется то, что “радикальные рыночные реформы” конца 1980-х, сопровождавшиеся интеграцией разваливаемого СССР в МКС, пошли по неолиберальному — наиболее антигуманному, разрушительному пути с чрезмерно высокими социальными издержками. Когда на рубеже 1980-х этот неолиберальный блок консолидировался, он произвел инкорпорацию социалистической части мира в МКС и установил здесь разновидность неолиберальной периферийной формы капитализма. Процесс более тесной интеграции с МКС происходит также в результате постмаоистских реформ в КНР. Только после устранения альтернативной модели общественного развития неолиберальная трансформация приобрела глобальные масштабы и крайние формы выражения.

Таким образом, историческая конъюнктура, характеризовавшая эпоху структурного кризиса капитализма, отличается качественно специфической устойчивой комбинацией черт, включавших в себя структурный кризис

послевоенной модели накопления капитала, кризис гегемонии США и перестройку ее социальных и экономических оснований (при этом финансовый и военный компоненты гегемонии стали выдвигаться на первый план, а перестройка гегемонистского блока осуществлялась на более узкой элитистской социальной основе), а также вызванную этим кризисом неолиберальную трансформацию МКС, пространственную и структурную экспансию капиталистических отношений, сопровождающуюся растущей интеграцией СССР и мировой системы реального социализма в МКХ, а затем их развалом и поглощением мировой капиталистической системой.

Неолиберальная трансформация послевоенного режима накопления привела к формированию новой модели капиталистического развития — неолиберального финансово-корпоративного экономического режима, или, как его назвал Дж.Фостер, монополистически-финансового капитализма [Foster, 2006, 2008, 2009, 2010]. Данная модель представляла собой совокупность контрмер, нацеленных на противодействие кризисным тенденция, охватившим МКС, и попытку поставить процесс капиталистического воспроизводства на новые основания. Данные меры противодействия кризису и поиск новой социально-экономической модели привели к изменениям, охватившим весь комплекс отношений капиталистической собственности и всю систему регулирования расширенного воспроизводства капиталистической экономики.

В результате произошедших изменений новый экономический режим капитализма стал характеризоваться развитием так называемых рыночных форм регулирования экономики, демонтажем социального государства и заменой его неолиберальной формой государства, продвигающего программу коммодификации общих благ, характеризующегося развитием регуляторно-репрессивных институтов и функций и осуществлением более репрессивной политики социального контроля. Кроме того, в рамках этого режима произошло усиление власти капитала над трудом непосредственно в процессе производства. Оно сопровождалось внедрением новых методов производства (постфордизм, гибкое производство, производство “точно вовремя”), цель которых — повысить конкурентоспособность и эффективность производства, сократить издержки, в том числе посредством наступления на права трудящихся и профсоюзов как по линии условий оплаты труда, так и по линии сокращения социальных расходов и введения режима “жесткой экономии”. Важнейшим элементом формирующейся модели накопления стала финансиализация процесса накопления капитала, сопровождающаяся “нагромождением финансовых метарынков” (Р.Коллинз), при котором прибыль извлекается посредством чисто финансовой активности. Все выше указанное способствовало глобальной экспансии ТНК, усилению монополистического характера экономической системы и концентрации власти транснационального монополистического капитала над глобальной экономикой, централизации и интеграции мировой экономики под властью ТНК, связанных с центрами МКС. Произошло формирование новой многоуровневой системы глобального экономического регулирования, включающей “группу семи”, ОЭСР, Всемирную торговую организацию и международные финансовые институты (МВФ–ВБ), устанавливающие контроль над периферией МКС посредством финансовых кредитно-долговых механизмов. Изменения, происходящие в МКХ, способствовали

переходу стран периферии к политике направляемого долгом экспортно-ориентированного развития, в основе которой лежит реализация разработанных МВФ–ВБ неолиберальных программ структурной адаптации, реализующих программу Вашингтонского консенсуса.

Хотя контртенденции, сдерживающие развертывание структурного кризиса, привели к формированию новой исторической конфигурации капитализма, тем не менее трудно говорить о том, что в результате неолиберализма сложился новый исторический режим накопления капитала или, на чем настаивают Д.Котц и его коллеги [Kotz, 2008, 2010; Wolfson, 2009], новая общественная структура накопления капитала. Неолиберализм действительно сформировал совокупность институтов и стратегий, поддерживающих и особым образом структурирующих процесс накопления. Но существенным признаком режима накопления является его способность обеспечивать нормальные условия расширенного капиталистического воспроизводства. Собственно это признает и сам Д.Котц, указывая, что, с точки зрения стандартной концепции общественных структур накопления, важным признаком последних является их способность эффективно обеспечивать быстрый экономический рост и накопление капитала. Однако экономический рост, норма прибыли и уровень инвестиций в эпоху неолиберализма ниже, чем послевоенное “славное тридцатилетие”. Даже несмотря на реализацию неолиберальной социально-классовой стратегии в течение трех последних десятилетий, приведшей к некоторому росту прибыльности, экономический рост и процесс накопления капитала продолжают стагнировать. Данные, представленные известным историком мировой экономики А.Мэддисоном, свидетельствуют, что темпы роста мирового ВВП на душу населения, резко сократившись с началом структурного кризиса капитализма в середине 1970-х, с тех пор не восстанавливались. В период 1951–1973 годов средние темпы мирового экономического роста составляли 2,9%, а при исключении из расчетов Китая — 3%, то есть вклад Китая в мировой экономический рост в этот период был отрицательным. И, наоборот, в 1974–2003 годах темпы роста мирового ВВП на душу населения снизились почти наполовину и составляли 1,6% в год. Если исключить Китай, то мировой экономический рост замедляется еще больше и составляет чуть больше трети экономического роста периода послевоенного “славного тридцатилетия” — 1,1%. При этом в 2001–2003 годах мировой экономический рост составлял 2,5%, но если исключить Китай, то он составлял только 1% [Kliman, 2008a]. Помимо отсутствия признаков экономического восстановления с середины 1970-х, эти данные также говорят о том, что главным двигателем мирового экономического роста в период неолиберальной трансформации все больше становились азиатские государства — Китай, Индия, Вьетнам и т.д., тогда как остальной мир находился в состоянии депрессии. Однако и перемещение промышленной мастерской мира в Азию не смогло преодолеть стагнации МКХ. Отличительным признаком данной фазы развития МКС является беспрецедентная финансовая экспансия и накопление фиктивного капитала, которое Маркс противопоставлял действительному накоплению капитала, то есть воспроизводству в расширенном масштабе производительного капитала, и которое сводится к “накоплению притязаний собственности на труд”. Именно эта противоположность финансовой экспансии действительному накоплению не позволяет использовать по отно-

шению к неолиберальному режиму термин “исторический режим накопления”. Более точными являются термины “экономический режим” и “социально-экономический режим”.

Успех неолиберального проекта в деле противодействия кризисным тенденциям основан главным образом на элитистском перераспределении общественного богатства в пользу верхушки правящих классов. Результатом выступает огромная концентрация капитала и, как следствие, богатства и власти в руках транснациональной финансовой элиты. Показателем степени этого процесса являются данные, полученные учеными Швейцарского Федерального Технологического Института в Цюрихе, исследовавшими структуру отношений мировой сети корпораций. Исследование называлось “Сеть глобального корпоративного контроля” и основывалось на данных 2007 года. С целью анализа данных исследователями — специалистами по теории сложных систем — была создана математическая модель, отражающая вертикальные и горизонтальные взаимосвязи между корпорациями, контроль одних компаний над другими посредством прямых инвестиций — владения фондами, пакетами акций, долями в акционерном капитале, участием в прибыли и т.п. В процессе исследования выяснилось, что в выделенной группе, состоящей из 43 тыс. ТНК, существует ядро из 1318 корпораций. Каждая из них тесно связана отношениями собственности в среднем с 20 другими компаниями. Посредством контроля над компаниями-сателлитами корпорации, составляющие ядро сети, управляют подавляющим большинством предприятий так называемого реального сектора экономики и контролируют 60% мировых доходов. Из этого следует, что современное МКХ представляет собой целостную глобальную экономическую систему, связанную едиными отношениями капиталистической корпоративной собственности. Продолжив исследование взаимосвязей и отношений собственности уже внутри ядра корпоративной сети, швейцарские ученые выяснили, что внутри него большая часть компаний являются промежуточными образованиями, контролируемые группой из 147 “сверхкорпораций”, активы которых взаимно переплетаются. Данная “сверхструктура” (super-entity), находясь в самом сердце глобальной экономики, контролирует 40% богатства мировой экономической сети, в том числе 90% активов в банковском секторе. Большую часть компаний “сверхструктуры” (75%) составляют банки и финансовые институты. Таким образом, глобальная экономика регулируется отношениями между несколькими группами транснациональной монополистической финансовой элиты. По мнению исследователей в “сверхструктуре” переплетается слишком много разнонаправленных противоречивых интересов, что затрудняет формирование ее политического единства. Но она может действовать “как одно целое”, защищая общие интересы [Coghlan, 2011; Waugh, 2011]. Это последнее признание ценно, учитывая, что банки, составляющие сверхструктуру (на что обращает внимание В.Катасонов), являются основными акционерами ФРС США и их интересы связаны с сохранением “долларового империализма”. Следует также отметить, что ФРС США, обладая монопольным правом на производство мировой валюты, снабжает ею банки, контролирующие ее. Так, например, по обнародованным в 2011 году данным частичного аудита операций ФРС, проведенного Счетной палатой США по решению конгресса, выяснилось, что в период последнего финансово-экономического кризиса (с декабря 2007-го по июнь 2010-го) ФРС бесконтрольно раздала крупнейшим

американским и зарубежным банкам беспроцентные или низкопроцентные кредиты на 16 трлн долл., которые не были отражены в финансовой отчетности. Это означает, что в тайне от конгресса и правительства США ФРС осуществила эмиссию долларов с целью выкупа “токсичных” активов заемщиков, то есть спасения финансовых спекулянтов. Банки, получившие эти деньги, фигурируют в списке банков, представленном швейцарскими учеными. Полученные от ФРС деньги указанные банки направили на скупку активов по всему миру [Катасонов, 2011].

Учитывая, что восстановление прибыльности бизнеса и консолидация власти финансовой элиты основывается на увеличении изъятия той доли общественного продукта, которая в “славное тридцатилетие” 1945–1975 годов доставалась “средним” и трудящимся классам, все это оказывается построенным на весьма зыбкой почве. Вследствие стагнационного характера неолиберализма, последний можно рассматривать как капиталистический социально-экономический режим, возникший как средство противодействия кризисным тенденциям в процессах капиталистического воспроизводства (контртенденция), но не как устойчивый режим накопления. Речь все еще идет о продолжении структурного кризиса послевоенного режима накопления, то есть о фазе, в течение которой происходит перестройка капиталистической системы и выискиваются очертания нового режима накопления и пути перехода к нему.

Несмотря на все усилия, к концу 1990-х годов норма прибыли в США, по подсчетам американского экономиста Ф.Моусли, увеличилась с 12% до 16%, то есть восстановила только 40% своего снижения. Несмотря на рост производительности труда и общее снижение реальной зарплаты в государствах центра, а также экспроприацию целых групп “средних классов” на периферии и полупериферии МКС, норма прибыли все еще оставалась на 25–30% ниже своего послевоенного пика [Mosley, s.a.]. Как отмечают французские экономисты Ж.Дюмени и Д.Леви, норма прибыли в 1997-м составляла только половину от уровня 1948-го и 60–75% от своей стоимости в десятилетие 1956–1965 годов [Dumenil, 2002b]. Однако есть и хорошо аргументированное мнение, что никакого реального восстановления нормы прибыли не происходило вовсе. Комментируя эти изменения в динамике нормы прибыли, И.Валлерстайн отметил, что сторонники неолиберализма добились определенных успехов, но они преуспели лишь в том, что немного снизили издержки, оказывающие давление на накопление капитала, а не вернули его на уровень 20–30-летней давности. Однако грядет новая волна роста этих издержек [Валлерстайн, 2001b]. Реализация неолиберального проекта привела к тому, что ведущими тенденциями развития МКХ в последней трети XX — начале XXI веков стали финансиализация процесса накопления капитала, усиление власти транснационального корпоративного капитала над мировой экономикой, показателем чего является всемирная экспансия ТНК и, как следствие, консолидация империалистического характера мировой системы, значительный рост глобального социального неравенства на фоне стагнации роста мировой экономики. К этому следует добавить постоянно растущую угрозу планетарного экологического коллапса, рост экономической неустойчивости капиталистической системы, а также усиление геополитической нестабильности, связанной с обострением борьбы за ресурсы и контроль за наиболее прибыльными сегментами мирового рынка. Все это говорит о том, что в пери-

од неолиберализма не произошло формирования нового режима, обеспечивающего устойчивость процесса накопления капитала.

Именно неспособность обеспечить накопление капитала посредством расширенного воспроизводства промышленного капитала на устойчивом базисе является причиной того, что неолиберализм основывается на модели, которую Д. Харви назвал изымающим или обездоливающим накоплением [Harvey, 2003, 2005]. Если накопление на основе расширенного воспроизводства происходит посредством присвоения вновь созданной стоимости, то обездоливающее накопление строится на изъятии уже созданной стоимости, не только прибавочного, но и необходимого продукта и доходит до изъятия у непосредственных производителей необходимых средств существования. Посредством основанных на Вашингтонском консенсусе шоковой терапии и программ структурных адаптаций МВФ–ВБ подобное изъятие общественного продукта, экспроприация эксплуатируемых, было осуществлено атлантическими элитами в 1980-х годах в Латинской Америке и государствах Африки. Следствием этого стало разрушение местных “средних классов” и погружение этих регионов в нищету, “потерянное десятилетие”, как его называли в Латинской Америке. В 1990-х то же произошло в Восточной Европе и на пространстве бывшего СССР, где изъятие сопровождалось исторически беспрецедентным разрушением производительного капитала, деиндустриализацией, падением научно-технического потенциала и скатыванием региона к положению периферии МКС. Обездоливающее накопление строится главным образом на принуждении с использованием множества техник, варьирующих от манипуляций на фондовой бирже и организации долговых кризисов до превращения в объект купли-продажи всевозможных природных ресурсов и открытого вооруженного захвата целых территорий и стран. Финансиализация представляет собой один из способов накопления капитала путем его изъятия, а не создания прибавочной стоимости.

Как уже отмечалось, финансиализация предполагает накачку спекулятивных биржевых пузырей, осуществляемую с помощью эмиссии ничем не обеспеченного доллара. Как отмечает С. Губанов, ФРС США осуществляет беспрестанные впрыскивания бестоварных долларов в артерии всемирного товарно-денежного обращения. Эмиссионные доллары трансформируются в инфляционные нефтедоллары, раздувая цены на нефть, газ, а следом — на металлы, удобрения и другие ресурсы. Тем самым ФРС США наводняет мир долларовыми фантиками, накачивает спекулятивные пузыри во всем мировом хозяйстве, искусственно возводит биржевые пирамиды и пузыри, предельно завышая массу и рентабельность спекулятивного монетарного капитала [Губанов, 2012: с. 21]. Фактически это означает, что США, чьей национальной валютой являются доллары, обладая монополией на производство мировой валюты, занимая привилегированное положение в мировой финансовой системе, могут скупать реальные ресурсы, товары, услуги, производимые другими странами за цветную бумагу. Взамен реального богатства, передаваемого этими странами в распоряжение транснационального финансового капитала, США экспортируют инфляцию. Благодаря этому инфляция в самих США удерживается на приемлемом уровне, в то время как в странах, следующих монетаристским рецептам, она высока и растет. Но далее происходит то, что значительная часть валютной выручки указанных стран возвращается в США и вкладывается в облигации казначейства

США. Таким образом, реальное богатство этих стран обменивается на долговые обязательства США, которые снимают фактически две шкуры с периферии мировой экономики. Вот что поддерживает спекулятивные рынки 1980–2000-х, спекулятивный рост богатства и уровень потребления в США и одновременно позволяет ликвидировать в периферийных странах “избыточные” производственные мощности, оказывающие давление на мировую прибыль, открывает доступ к природным и прочим ресурсам деиндустриализированных стран и закрепляет их периферийный статус. Ибо экспорт долларовой инфляции убивает стимулы к накоплению промышленного капитала, вздувая цены на ресурсы; она увеличивает издержки производства и снижает окупаемость инвестиций в технологическое обновление, консервирует состояние деиндустриализации и индустриально-технической отсталости. Как отмечает С.Губанов: “Конечная выгода США состоит в том, что в обмен на бестоварное они получают от остального мира товарное, благодаря чему ежегодно обеспечивают даровую для себя империалистическую ренту, в громадных размерах выжимаемую валютно-монетарными рычагами “империализма доллара”... В свою очередь, “империализм доллара” опирается на мощь американской военной машины” [Губанов, 2012: с. 22]. Размер империалистической ренты, получаемой США за счет валютно-монетарного фактора, составляет до 1 трлн долл. в год, и представлена она, вопреки примитивным представлениям о “постиндустриальных ценностях”, исключительно материальными ценностями [Губанов, 2012: с. 24].

Важнейшим следствием неолиберального “изымающего накопления” являются значительные социальные издержки, включая депопуляцию периферии МКС. Профессор социологии Университета Сорбонны, вице-президент комитета советников Совета по правам человека ООН Жан Циглер указывает в интервью немецкой газете “Junge Welt” (16.11.2012), что неолиберальная экономика убивает людей гораздо эффективнее, нежели германский фашизм. По его словам, если нацизму на уничтожение 56 миллионов человек потребовалось шесть лет, то неолиберальному экономическому порядку это с легкостью удастся чуть больше чем за год с помощью искусственно создаваемого голодомора. В своей книге, французское издание которой носит название “Массовое разрушение — геополитика голода”, а немецкое — “Дадим им поголодать. Массовое разрушение в третьем мире”, он говорит о голоде как об “оружии массового поражения”, которое используется доминирующими мировыми финансовыми центрами против народов третьего мира ради получения прибыли. В то время как планета с легкостью может обеспечить продовольствием 12 млрд человек, в мире каждый день от голода и отсутствия доступа к чистой воде умирает 37 тыс. человек. И это не вызывается какими-либо объективными причинами, если не считать таковыми организацию экономической системы. “Для народов Юга третья мировая война уже началась”, — говорит профессор Циглер. Основными механизмами создания искусственного голодомора, оказывающими влияние на весь мир, он считает создание транснациональными монополиями, вступающими в картельный сговор, биржевого продовольственного спекулятивного пузыря, искусственно вздувающего цены на продовольствие, рост производства биотоплива, долговую удавку стран третьего мира и продвигаемую ВТО политику свободной торговли, разрушающей сельское хозяйство третьего мира [O’Neill, 2012; Ziegler, 2012a, b].

Из всего сказанного можно сделать вывод, что неолиберализм, по всей видимости, будет правильно определить как совокупность складывающихся в социально-экономический режим классовых политических, экономических, социальных и идеологических стратегий, нацеленных на консолидацию господства и расширение возможностей атлантического капиталистического класса осуществлять бесконечное накопление капитала в условиях структурного кризиса капитализма. Неолиберализм является также фазой в истории капитализма, в ходе которой его развитие определялось попытками капиталистических классов центров МКС преодолеть структурный кризис и обеспечить воспроизводство своей власти посредством этих стратегий. Составной частью этих усилий выступает реализация проекта неолиберального глобализма как попытки создания такого планетарного социального и политико-экономического режима, в котором будет значительно усилена власть фракции наиболее богатых собственников капитала — транснациональной монополистической финансовой элиты. Эта элита контролирует как производство, так и финансы, и в ее интересах обеспечивается неограниченная свобода движения мобильного капитала в поисках максимальной прибыли и устраняются структурные ограничения и препятствия ее деятельности. С социальной точки зрения, неолиберализм означает подчинение всех сторон социальной жизни общества дисциплине рынка, или, точнее говоря, дисциплине логики максимизации прибыли. Растущая коммодификация и распространение приоритетности мотива получения прибыли на все новые сферы социальной жизни представляет собой цель и важнейший результат осуществления неолиберального курса, что позволяет рассматривать неолиберализм как наиболее агрессивную форму капитализма. При этом государство, находящееся под контролем финансовой элиты, сохраняя регуляторные и репрессивные функции, устраняется от заботы о развитии системы социальной защиты, а населению предоставляется самому обеспечить условия собственного социально-экономического воспроизводства. Смысл существования этого реструктурированного государственного аппарата, который можно назвать неолиберальным государством, заключается именно в обеспечении социально-политического, идеологического и политико-правового климата для бесконечного накопления капитала. Таким образом, неолиберализм является по своей сути реализацией социал-дарвинистской программы с целью восстановления общих мир-экономических условий накопления капитала и полноты классового господства высших фракций капитала.

Условия и возможности преодоления структурного кризиса капитализма

Итак, неолиберальная контрреволюция была политическим и экономическим ответом властвующей элиты на структурный кризис, с которым капитализм столкнулся на рубеже 1970-х годов. Установление неолиберального экономического режима, осуществленное правящими классами центра МКС под гегемонией финансовой олигархии США, преследовало цель преодолеть этот фундаментальный кризис капитализма и сохранить господствующее положение США в МКС. Однако с самого начала было ясно, что неолиберальный экономический режим с ростом эксплуатации, сверхэксплуатации и финансовализации в качестве его ключевых элементов не спо-

собен решить породившую его проблему перенакопления и в итоге фиктивный капитал должен будет прийти в соответствие с развитием реальной экономики. В течение более тридцати лет строительство финансовой пирамиды приносило свои плоды. Но теперь отсрочка закончилась, и неразрешенные противоречия вновь стучатся в двери — МКС столкнулось в 2008-м с началом крупнейшего со времен Великой депрессии финансового кризиса, который превращается в самый глубокий экономический спад за последние восемьдесят лет. Кризис финансиализации означает провал попыток посредством установления неолиберального экономического режима разрешить структурный кризис капитализма, а также начало краха самого этого режима. Мы можем говорить о кризисе внутри кризиса подобно тому, как Валлерстайн, говоря о структуре капиталистической мир-экономики, указывал на наличие в ней “слоев внутри слоев” [Wallerstein, 1980]. С одной стороны, кризис в 1970-х годах — первичное проявление структурного кризиса капитализма, с другой — кризис неолиберализма представляет вторичное проявление структурного кризиса, знаменуя провал институциональной структуры, которая представляла собой лишь реакцию на первичный кризис, попытку сдержать его развитие. Между первичным и вторичным проявлениями структурного кризиса лежит период его латентного протекания, купируемого и откладываемого ростом фиктивного капитала, надуванием спекулятивных пузырей и включением в МКС огромных территорий постсоциалистического мира и Китая с их природными, материальными и человеческими ресурсами. Хотя кризис 2008 года ударил в первую очередь по финансовой системе, жизненному центру неолиберального экономического режима, финансовые спекуляции — не столько причина, сколько проявление глубинных противоречий мировой капиталистической системы.

Поскольку частичное восстановление нормы прибыли в период конструирования неолиберального экономического режима осуществлялось за счет роста фиктивного капитала, оно само в значительной степени является фиктивным. Нарращивание фиктивного капитала предполагает присвоение реального богатства посредством использования кредитно-долговых механизмов и продажи титулов собственности, которые сами не обладают стоимостью, а являются притязаниями на стоимость, которая еще только должна быть произведена. Поэтому в той мере, в какой следствием роста фиктивного капитала является перераспределение уже созданной стоимости, он не изменяет нормы прибыли. Частичное восстановление нормы прибыли при неолиберализме — результат того, что рост претензий фиктивного капитала на прибавочную стоимость сопровождается усилением эксплуатации рабочего класса. Однако производимый объем прибавочной стоимости, что следует из сопоставления объема мирового ВВП с объемом рынка финансовых производных инструментов (последний равен десяти мировым ВВП), не соответствует массе фиктивного капитала, и этот дисбаланс нарастает, поскольку фиктивный капитал возрастает быстрее, чем стагнирующее реальное производство. Неолиберализм, таким образом, не создает условий преодоления структурного кризиса, он лишь в конечном счете усугубляет его.

Каковы же тогда условия выхода МКС из структурного кризиса? Переход к новому периоду экономической экспансии возможен при условии устранения причин, вызвавших структурный кризис. Если причина в перенакоплении капитала и недостаточности производимой прибавочной стоимос-

ти, восстановление может произойти, когда объем накопленного капитала будет приведен в соответствие с прибавочной стоимостью. Исторически капитализм решал эту проблему двумя способами — усилением эксплуатации труда и частичным разрушением капитала, в ходе которого происходило его обесценивание, открывавшее возможности для массивных капиталовложений в новые технологии и осуществления крупной технологической перестройки производства. Этот процесс, запускаящий новую фазу ускоренного накопления капитала, Й.Шумпетер называл созидательным или творческим разрушением. Его действительная суть заключается в том, что когда достаточное количество избыточного капитала будет разрушено, то есть обанкротится и обесценится, органическое строение капитала снизится, откроются возможности расширенного воспроизводства и полученные возросшие прибыли будут реинвестированы в производство. Как говорит Г.Карчеди: “Капитал нуждается в моменте катарсиса. Ему нужно частично разрушить себя, чтобы возродиться. Чем больше разрушение, тем энергичнее восстановление” [Carchedi, 2011]. Под разрушением капитала понимается не только физическое разрушение производительного капитала, но прежде всего то, что элементы капитала перестают действовать как капитал: производственные мощности не используются, морально стареют и разрушаются, товары не распродаются. Капитал, таким образом, теряет свою потребительную стоимость. Кроме того, рабочая сила выталкивается из производства, цепь платежей разрывается, долги не выплачиваются, ожидаемая прибыль не реализуется, цены активов падают, происходят банкротства и разрушается стоимость капитала. Разрушение капитала представляет собой не только результат кризиса, но и основной механизм запуска нового периода ускоренного накопления, условие складывания нового исторического режима накопления.

Например, длительная послевоенная экономическая экспансия была бы невозможна без гигантского разрушения капитала, осуществленного в ходе Великой депрессии и Второй мировой войны, что привело к резкому снижению органического строения капитала и усилению эксплуатации труда. В результате, например, в США средняя норма прибыли корпораций, рассчитанная как отношение прибыли до выплаты налогов к чистому объему основного капитала, стоимость которого выражена в действительных ценах, в 1941–1956 годах составляла 28,2% [Kliman, 2009: p.50; Harman, 2007, 2009; Kliman, 2008b]. Разрушение капитала в ходе Второй мировой войны и связанного с ней усиленного износа средств производства, превышавшего объем новых инвестиций, открыло возможности для смены технологического уклада и поглощения избыточного капитала. С другой стороны, кейнсианский компромисс привел к снижению эксплуатации, повышению уровня жизни и покупательной способности рабочего класса, что стимулировало рост производства. Взаимодействие увеличения спроса и роста производства привело к длительному периоду расширенного капиталистического воспроизводства. Но внутри “золотого века” вызревали гроздья грядущего структурного кризиса. Так как введенные после войны фордистские технологии были более капиталоемкими, они способствовали росту органического строения капитала. Снижение эксплуатации, более высокий уровень потребления, более высокое органическое строение капитала оказывали давление на прибыль. Период вызревания кризиса длился около тридцати лет, пока последствия снижения средней нормы прибыли не проявили себя

в полной мере в 1970-х. И, несмотря на утверждения, что неолиберализм и неолиберальная глобализация способствовали частичному восстановлению, средняя норма прибыли американских корпораций продолжает снижаться. В 2001-м она равнялась 12,0%, в целом же в 1981–2004 годах составляла 14,2% [Kliman, 2009: p. 50]. Соответственно снизилась норма накопления (то есть чистых инвестиций относительно стоимости основного капитала) с 13% в 1979-м до 3% в 2003-м [Kliman, 2009: p. 50]. Причина этого — в уменьшении прибавочной стоимости относительно накопленного капитала в результате роста его органического строения. Показателем степени, в какой оно возросло за последние пятьдесят лет, является то обстоятельство, что в 1960-х годах в США на единицу основного капитала приходилось 133 рабочих, а в 2009-м — только 6 [Carchedi, 2011]. Вследствие этого количество прибавочной стоимости, производимой на единицу инвестированных активов, снижалось, как показывают многочисленные исследования, в течение всего послевоенного периода. Прогрессирующее снижение количества рабочих, требуемого для приведения в действие растущего объема капитала, является выражением развития производительных сил, но результатом последнего при капитализме выступает тенденция к хроническому перенакоплению капитала, при котором часть избыточного капитала вообще не произведет прибавочной стоимости. В этой ситуации и возникает особо острая потребность в неолиберальной модели изымающего накопления, при котором способом присвоения прибавочной стоимости может выступать вооруженное ограбление государств периферии, прямой захват их природных, материальных и финансовых ресурсов или перенос производства в регионы с низкими технологиями и меньшим органическим строением капитала и более высоким уровнем эксплуатации.

Но все это в действительности не решает проблемы перенакопления. Без разрушения части капитала восстановление прибыльности и переход к новому режиму накопления невозможны. И первым шагом здесь является разрушение накопленного фиктивного капитала, избавление реального производства от “наросшего паразитического балласта посредством биржевых крахов” [Губанов, 2012: с. 20]. Устранение избыточных претензий означает необходимость уничтожения его целых секторов и переоценки стоимости всех имеющихся активов. Эта фаза разрушения уже началась с началом глобального финансово-экономического кризиса в 2008 году. Финансовый крах 2007–2008 годов суммарно обнулil 4 трлн долл. спекулятивного капитала [Мусин, Эль-Мюрид, 2012: с. 215]. Естественно, что поскольку это ведет “к сильным и острым кризисам, к внезапным насильственным обесцениваниям, действительной приостановке и нарушению процесса воспроизводства и вместе с тем к действительному сокращению воспроизводства” [Маркс, 1961: с. 279], финансовая элита сопротивляется подобной перспективе, мобилизуя государство на спасение финансовых спекулянтов, “слишком больших, чтобы утонуть”, накачиванием банковской системы ликвидностью. Однако усилия по поддержанию финансовой экспансии приводят к росту государственного долга и дефицита бюджета, создают угрозу кризиса суверенного долга даже в экономически наиболее развитых государствах-членах ОЭСР. Этот процесс привел уже к финансовому краху Исландии, теперь наступает очередь Греции, за ней могут последовать Испания, Португалия, Италия и Франция. Глава МВФ К.Лагард заявила на очередной

сессии МВФ–ВБ в октябре 2012 года, что государственный долг индустриально развитых стран составляет 110% по отношению к их ВВП. Она сравнила эту ситуацию с ситуацией военного времени и указала на необходимость экстраординарных мер, характерных для военного времени [Катасонов, 2012]. В этих условиях правящие и господствующие группы Запада с целью решения мировых финансово-экономических проблем нацеливаются на экспроприацию капиталов, спрятанных в оффшорных зонах и принадлежащих нуворишам из России и других “постсоветских” и развивающихся стран под предлогом борьбы с налоговыми уклонистами, организованной преступностью, отмыванием грязных денег, борьбы с международным терроризмом [Катасонов, 2013d; Фурсов, 2013]. Атака на такие оффшоры, как Швейцария, Кипр, Британские Виргинские острова, и фактическая ликвидация института банковской тайны — начало этого процесса. Безусловно, экспроприация денег нуворишей в оффшорах (от 21 до 32 трлн долл. [Катасонов, 2013c]) отсрочит крах мировой экономики и позволит финансовой олигархии Запада выиграть время для проектируемой перестройки мирового порядка. Но в конечном счете окажется, что финансовые спекулянты “слишком большие, чтобы их спасти”, и крах государственных финансовых систем положит конец операции по спасению финансового капитала. И тогда социально-классовая борьба приведет к подлинному решению проблемы: вместо перекладывания издержек финансово-спекулятивного капитала на трудящихся и роста их социальных издержек — доведение до банкротства и национализация финансовых спекулянтов.

Крах фиктивного капитала ускорит разрушение реального капитала. Поскольку существующие технологии вследствие роста органического строения капитала и сокращения переменного капитала достигают пределов производства прибавочной стоимости и способности стимулирования экономического роста, разрушение накопленного реального капитала является необходимым условием становления нового режима накопления. Учитывая исходный огромный масштаб перенакопления капитала, сила экономического сжатия и масштабы разрушения капитала должны превзойти все известные прецеденты, включая Великую депрессию 1930-х годов и Вторую мировую войну. Это означает, что ликвидация или обесценивание перенакопленного капитала может занять многие годы, даже десятилетия. Более быстрый выход из начавшейся долгой депрессии возможен только посредством какой-либо мировой экономической или геополитической катастрофы. Помимо разрушения капитала, другим достаточным условием начала новой фазы ускоренного накопления капитала является образование кластеров инноваций, способных стать новым технологическим базисом системы производства, новой сферой прибыльного приложения капитала. В условиях изначально низкого органического строения капитала новая система производства, возможно, откроет эпоху новой экономической экспансии, как это произошло в послевоенный период.

Проблема заключается в том, что повторение этого опыта будет осуществляться в новых исторических обстоятельствах, созданных самим развитием капитализма. Предположение, что описанные выше исторически обычные условия восстановления капиталистического воспроизводства являются достаточными для преодоления современного структурного кризиса и перехода к новому режиму накопления, представляет собой простую

экстраполяцию прошлого исторического опыта капитализма в будущее. Существует, однако, ряд причин сомневаться в том, что и на это раз капитализм сможет возобновить “бизнес как обычно”. Причины этого в значительной степени лежат за пределами исторической конъюнктуры рассматриваемого периода. Чтобы их увидеть, необходимо подняться над особым историческим периодом зарождения и развертывания структурного кризиса, начавшегося на рубеже 1970-х годов, на уровень истории МКС в целом, “большой длительности” исторического капитализма. На этом уровне волны восходящего и нисходящего развития складываются в долговременные структурно-исторические тренды, движение которых постоянно изменяет общий исторический контекст действия общих законов капитализма, кратко- и среднесрочных циклических колебаний. Эта попытка будет предпринята в дальнейших публикациях.

Источники

Валлерстайн И. Система переживает коллапс / И. Валлерстайн // Эксперт. — 2001b. — № 28, 23 июля. — С. 16–19.

Внешнеэкономическая стратегия империализма в развивающихся странах / [Фаризов И.О., Дийков С.А., Филимонова Т.В. и др.]; под ред. Фаризова И.О. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 252 с.

Губанов С. Вероятна ли мировая рецессия–2012? / С. Губанов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2012. — № 1. — С. 17–26.

Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция [Электронный ресурс] / С. Губанов. — Режим доступа : <http://institutions.com/general/1129-neo-industrializaciya.html> (s.a.).

Губанов С. Неоиндустриальный консенсус России и его системные основы / С. Губанов // Экономист. — 2011. — № 11. — С. 1–40.

Катасонов В.Ю. Банковская система США: все готово к “стрижке” депозитов / В.Ю. Катасонов. — Режим доступа : http://communitarian.ru/publikacii/ekonomika_ssha/bankovskaya_sistema_ssha_vse_gotovo_k_strizhke_depozitov_09062013/ (2013d).

Катасонов В.Ю. Заговор молчания вокруг самого крупного скандала XXI века [Электронный ресурс] / В.Ю. Катасонов. — Режим доступа : http://ruskline.ru/analitika/2011/10/03/zagovor_molchaniya_vokrug_samogo_krupnogo_finansovogo_skandala_xxi_veka/ (2011).

Катасонов В.Ю. Компьютер обнаружил мировую закулису — “комитет 147” [Электронный ресурс] / В.Ю. Катасонов — Режим доступа : http://ruskline.ru/news_rl/2011/10/22/kompyuter_obnaruzhil_mirovuyu_zakulisu_komitet_147/ (2011a).

Катасонов В.Ю. Кристин Лагард: оговорка по Фрейду или плановая утечка информации? / В.Ю. Катасонов. — Режим доступа : <http://www.fondsk.ru/pview/2012/10/14/kristin-lagard-ogovorka-po-frejdu-ili-planovaja-utechka-informacii-17083.html> (2012).

Катасонов В.Ю. О рейтингах “Форбс” и скромном обаянии мировых банкиров [Электронный ресурс] / В.Ю. Катасонов. — Режим доступа : <http://www.fondsk.ru/news/2013/01/17/o-rejtingah-forbs-i-skromnom-obajanii-mirovyh-bankirov-18726.html> (2013b).

Катасонов В.Ю. О “суперсубъекте”, или “Комитетете 147” [Электронный ресурс] / В.Ю. Катасонов. — Режим доступа : <http://www.fondsk.ru/news/2013/01/15/o-supersubekte-ili-komitet-147-18680.html> (2013a).

Катасонов В.Ю. “Чёрные дыры” мировой экономики / В.Ю. Катасонов. — Режим доступа : <http://www.fondsk.ru/news/2013/01/23/chernye-dyru-mirovoj-ekonomiki-i-18813.html> (2013c).

Малюк А. Смена социально-классовой стратегии правящих и господствующих групп Запада в условиях структурного кризиса капитализма / А. Малюк // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2013. — № 2. — С. 36–51.

Малюк А. Современная неолиберальная экономическая глобализация / А. Малюк // Вызовы глобализации и Украина / Арсенок А.Г., Малюк А.Н., Толстых Н.В. — К., 2011. — С. 178–343.

Малюк А. Теоретико-методологические проблемы исследования современного глобального кризиса / А. Малюк // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2012. — № 4. — С. 22–50.

Малюк А. Формирование долгосрочной исторической конъюнктуры современного глобального кризиса / А. Малюк // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2013. — № 1. — С. 27–45.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3, кн. 3: Процесс капиталистического производства, взятый в целом / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М.: Изд-во полит. литературы, 1961. — Т. 25, ч. 1. — 554 с.

Фурсов А. Кризис “длинного XXI века” (1975 г. — ?): причины, движущие силы, угрозы / А. Фурсов // Будущие угрозы человечеству и России. Материалы научного семинара; вып. 4. — М.: Научный эксперт, 2009. — С. 5–37.

Фурсов А. “Кризис-матрешка”: демонтаж капитализма и конец эпохи пирамид / А. Фурсов // Прогнозы и стратегии. — 2008b. — № 1. — С. 134–139.

Фурсов А. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними. Капитал(изм) и Модерн — схватка скелетов над пропастью / А. Фурсов // Defuturo, или История Будущего. — М.: Политический класс. АИРО-XXI, 2008a. — С. 255–304.

Фурсов А. Ротшильды и Рокфеллеры - застрельщики мировой антилиберальной революции [Электронный ресурс] / А. Фурсов. — Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26085.5/2988035/> (2013).

Фурсов А. Теоретико-методологические проблемы развития системы исторического коммунизма [Электронный ресурс] / А. Фурсов. — Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Fursov/> (2010).

Arrighi G. Global Market / G. Arrighi // Journal of World-Systems Research. — 1999a. — Vol. 5, No 2. — P. 217–251.

Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power and The Origins of Our Time / Arrighi G. — L.; N. Y.: Verso, 1994. — 400 p.

Bank for International Settlements. OTC Derivatives Market Activity in the first half of 2008 [Electronic resource] // Bank for International Settlements. — Access mode: <http://www.bis.org/press/p081113.htm9> (2008).

Bank for International Settlements. Triennial Central Bank Survey. Report on global foreign exchange market activity in 2010 [Electronic resource] // Bank for International Settlements. — Access mode: <http://www.bis.org/publ/rpfx10t.pdf> (2010).

Beinstein J. Seven Faces of the Crisis [Electronic resource] / J. Beinstein. — Access mode: http://www.observatoriocrisis.org/readarticle_EN.php?article_id=56 (2009b).

Beinstein J. The Collapse of the Center of the World [Electronic resource] / J. Beinstein. — Access mode: http://www.observatoriocrisis.org/readarticle_EN.php?article_id=43 (2009a).

Bello W. The Capitalist Conjuncture: Over-accumulation, Financial Crises, and the Retreat from Globalisation / W. Bello // Third World Quarterly. — 2006. — № 8. — P. 1345–1367.

Brooks M. The Economic Crisis and the Poor Countries [Electronic resource] / M. Brooks. — Access mode: <http://www.marxist.com/economic-crisis-and-poor-countries.htm> (2009).

Carchedi G. Behind and Beyond the Crisis [Electronic resource] / G. Carchedi. — Access mode: <http://www.isj.org.uk/?id=761> (2011).

Carchedi G. Could Keynes End the Slump? Introducing the Marxist multiplier. [Electronic resource] / G. Carchedi. — Access mode : <http://www.isj.org.uk/index.php?id=849&issue=136> (2012).

Coghlan A. Revealed — the Capitalist Network that runs the world / [Electronic resource] / A. Coghlan, D. MacKenzie. — Access mode : <http://www.newscientist.com/article/mg21228354.500-revealed—the-capitalist-network-that-runs-the-world.html> (2011).

Cypher J. The Transnational Challenge to the Corporate State / J. Cypher // *Journal of Economic Issues*. — 1979. — Vol. 13, No 2. — P. 513–542.

Dumenil G. Neo-liberal Dynamics: Toward a New Phase [Electronic resource] / G. Dumenil, D. Levy. — Access mode : www.jourdan.ens.fr/levy/dle2004c.htm (2004a).

Dumenil G. Neoliberalism: The Crime and the Beneficiary / G. Dumenil, D. Levy // *Review* (Fernand Braudel Centre). — 2002a. — Vol. 25, No 4. — P. 393–400.

Dumenil G. The Economics of U.S. Imperialism at the Turn of the 21st Century / G. Dumenil, D. Levy // *Review of International Political Economy*. — 2004b. — Vol. 11, No 4. — P. 657–676.

Dumenil G. The Profit Rate: Where and how much did it fall? Did it Recover? (USA 1948–2000) [Electronic resource] / G. Dumenil, D. Levy. — Access mode : <http://www.jourdan.ens.fr/levy/dle2002f.pdf> (2002b).

Engdahl W. Financial Tsunami Part II: The Financial Foundations of the American Century [Electronic resource] / W. Engdahl — Access mode : <http://www.globalresearch.ca/the-financial-tsunami-the-financial-foundations-of-the-american-century/7813> (2008a).

Engdahl W. The Financial Tsunami Part III: Greenspan's Grand Design [Electronic resource] / W. Engdahl — Access mode : http://www.engdahl.oilgeopolitics.net/Financial_Tsunami/The_Financial_Tsunami_Part_III/the_financial_tsunami_part_iii.HTM (2008b).

Foster J.B. Monopoly-Finance Capital / J.B. Foster // *Monthly Review*. — 2006. — December. — P. 1–14.

Foster J.B. Monopoly-Finance Capital and the Paradox of Accumulation / J.B. Foster, R.W. McChesney // *Monthly Review*. — 2009. — October. — P. 1–20.

Foster J.B. The Age of Monopoly-Finance Capital / J.B. Foster // *Monthly Review*. — 2010. — February. — P. 1–20.

Foster J.B. The Financialization of Capital and the Crisis / J.B. Foster // *Monthly Review*. — 2008. — April. — P. 1–19.

Frank A.G. Our Crisis in the World Crisis [Electronic resource] / A.G. Frank. — Access mode : <http://rrojasdatabank.info/agfrank/online.html> (2003).

Frank A.G. The Development of Crisis and the Crisis of Development [Electronic resource] / A.G. Frank. — Access mode : <http://rrojasdatabank.info/agfrank/online.html> (2004).

Harman C. The Rate of Profit and the World Today [Electronic resource] / C. Harman. — Access mode : <http://www.isj.org.uk/?id=340> (2007).

Harman C. The Slump of 1930s and the Crisis Today [Electronic resource] / C. Harman. — Access mode : <http://www.marxists.org/archive/harman/2009/xx/slump.htm> (2009).

Harvey D. A Brief History of Neoliberalism / D. Harvey. — Oxford : Oxford University Press, 2005. — 247 p.

Harvey D. New Imperialism / D. Harvey. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — X, 253 p.

Kliman A. Global Economy Never Fully Recovered From Economic Slump of 1970s. [Electronic resource] / A. Kliman. — Access mode : <http://akliman.squarespace.com/crisis-intervention/> (2008a).

Kliman A. “The Destruction of Capital” and the Current Economic Crisis / A. Kliman // *Socialism and Democracy*. — 2009. — Vol. 23, No 2. — P. 47–54.

Kliman A. Worse than They Want you to Think — A Marxist Analysis of the Economic Crisis [Electronic resource] / A. Kliman. — Access mode : <http://thecommu.co.uk/> 2008/

10/23/worse-than-what-they-want-you-to-think-a-marxist-analysis-of-the-economic-crisis/ (2008b).

Kotz D. Global Neoliberalism and the Contemporary Social Structure of Accumulation [Electronic resource] / D. Kotz, T. McDonough. — Access mode : http://people.umass.edu/dmkotz/Glob_NL_and_Contemp_SSA_08_12.pdf (2008).

Kotz D. The Final Conflict: What Can Cause a System-Threatening Crisis of Capitalism / D. Kotz // Science & Society. — 2010. — Vol. 74, No 3.

Magdoff F. The Explosion of Debt and Speculation / F. Magdoff // Monthly Review. — 2006. — November. — P. 1–23.

Mosley F. Marxian Crisis Theory and the Postwar U.S. Economy [Electronic resource] / F. Mosley. — Access mode : http://www.mtholyoke.edu/~fmoseley/working_papers/pwcrisis.pdf (a.s.).

O'Neill S. Hunger is a 'Weapon of Mass Destruction', says Jean Ziegler [Electronic resource] / S. O'Neill. — Access mode : axisoflogic.com/artman/publish/printer_64266.shtml (2012).

Robinson W. Global Capitalism, Social Science, and Methods of Critique / W. Robinson // Geopolitics, History, and International Relations. — 2009. — Vol. 1, No 2. — P. 98–108.

Robinson W. Gramsci and Globalisation: From Nation-State to Transnational Hegemony / W. Robinson // Critical Review of International Social and Political Philosophy. — 2005. — Vol. 8, No 4. — P. 1–16.

Robinson W. Towards a Global Ruling Class? Globalization and the Transnational Capitalist Class / W. Robinson, J. Harris // Science and Society. — 2000. — Vol. 64, No 1. — P. 11–54.

Sweezy P. Economic Reminiscence / P. Sweezy // Monthly Review. — 1995. — May. — P. 1–11.

Wade R. Choking the South: World Finance and Underdevelopment / R. Wade // New Left Review. — 2006. — No 38. — P. 115–127.

Wade R. The Economy Has Not Solved Its Problems / R. Wade // Challenge. — 2011. — Vol. 54, No 2. — P. 5–41.

Wade R. The First-World Debt Crisis of 2007–010 in Global Perspective / R. Wade // Challenge. — 2008. — Vol. 51, No 4. — P. 23–54.

Wallerstein I. The Modern World-System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750 / I. Wallerstein. — N. Y. : Academic Press, 1980. — 370 p.

Waugh R. Does one 'Super-corporation' Run the Global Economy? Study Claims It Could Be Terrifyingly Unstable [Electronic resource] / R. Waugh. — Access mode : <http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-2051008/Does-super-corporation-run-global-economy.html> (2011).

Wolfson M. A Re-conceptualization of SSA Theory [Electronic resource] / M. Wolfson, D. Kotz — Access mode : http://people.umass.edu/dmkotz/Reconcep_SSA_Th_09_01.pdf (2009).

World Bank. Global Development Finance. External Debt of Developing Countries 2012 / World Bank. — Washington : World Bank, 2012. — X, 334 p.

Ziegler J. 'Für die Völker des Südens hat der dritte Weltkrieg längst begonnen'. [Electronic resource] / J. Ziegler. — Access mode : <http://www.jungewelt.de/2012/11-16/053.php?sstr=Ziegler> (2012b).

Ziegler J. 'We let them starve' [Electronic resource] / J. Ziegler. — Access mode : <http://www.guardian.co.uk/world/poverty-matters/2012/oct/05/jean-ziegler-africa-starve> (2012a).